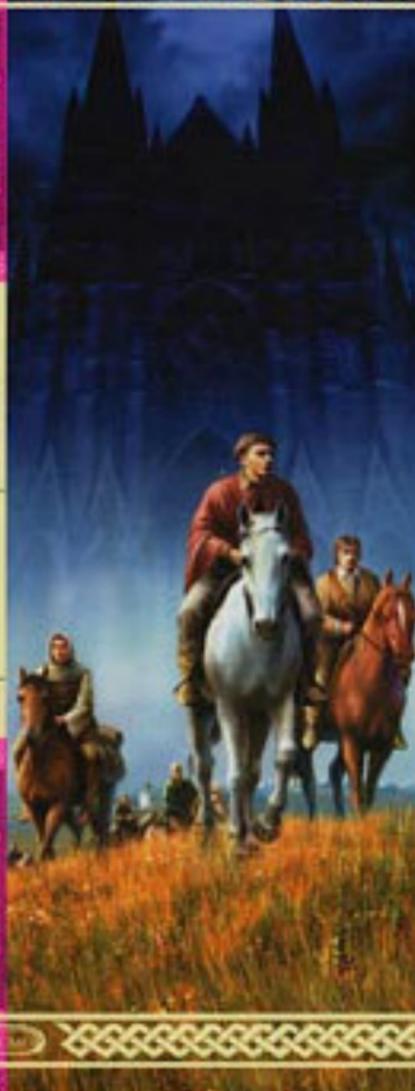

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

НЕБЕСА
ЛИКУЮТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

СТРАНА

Андрей Валентинов
Воскрешение Латунина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156437

Содержание

От автора, или Опыт эксгумации	4
Глава I	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Валентинов. Воскрешение Латунина

Андрей ВАЛЕНТИНОВ

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАТУНИНА

От автора, или Опыт эксгумации

*Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что доброго он сделал для людей?
Не знаю, бог меня убей!*

Дорогой читатель!

Спешу Вас заверить, что зловещее название и не очень веселый эпиграф взяты не только из вполне законного желания привлечь Ваше просвещенное внимание. Все к месту, причем эксгумация присутствует дважды: и в тексте помещенной ниже небольшой повести, и в самом факте ее издания.

Давным-давно, в одной Далекой Галактике, когда-то именовавшейся СССР, автор, и не пытавшийся переступить порог тогдашних издательств (не только из гордости, но из соображений здравого смысла) печатал свои «тексты» на ма-

шинке «Олимпия» – и переплетал в небольшие томики с зелеными ледериновыми корешками. До сих пор стоят на полке. Пыли нет – вытираю.

Из всего тогда написанного и переплетенного изданы только стихи. И вот недавно я вновь потревожил покой зеленых томиков. Старая повесть, старая-старая. В чем-то наивная, в чем-то уже архаичная...

Так зачем публиковать такое? Да еще под одной обложкой с «Небесами»? Для объема, что ли? Или как своеобразный опыт автопортрета в молодости? И в самом деле! Что общего между бурными событиями Хмельниччины и странным происшествием, случившемся в некоей Великой Державе аккурат на излете XX века?

А между тем, общего хватает, даже чисто формально. В «Небесах» Век-Волкодав тоже присутствует – пусть и несколькими минутами всего. И место действия совпадает (та самая наша Далекая Галактика, как бы она не именовалась), и биологические эксперименты проводятся, и Смута равным образом в затылок дышит. И Самый Справедливый Строй призраком встает над этой нашей Далекой. Даже эксгумация – и та имеет место быть. Страшный труп Прошлого извлекается на свет, дабы коренным и решительным образом улучшить Настоящее. Так что...

Но если серьезно...

И роман, и повесть об очень похожем – о попытке усовершенствовать общество и человека, используя достижения

науки. То, о чем так долго мечтала наша «старая добрая» фантастика. Помните? Акул в океане истребить, людей перевести на солнечное питание, котлован вырыть. Странно, мэтры, деци-мэтры и прочие санти– этой «старой доброй» до сих пор обвиняют нас, современных авторов, в «чернушности»! Это у нас-то чернуха? Ну, чевенгуровцы!

Вот об этом я писал – и в давние времена, и в недавние. Конечно, в год (1988-й!), когда старая «Олимпия» выбивала первые фразы «Воскрешения Латунина» *чисто внешне* эти проблемы воспринимались иначе. Перестройка-катастрофка, надрывный вой всяческих «демократов» – и ответный ор «патриотов». Было ясно – ничем хорошим не кончится. Тогда и написался «Латунин».

О чем повесть, так сказать, «конкретно»? О попытке воскресить товарища Сталина. Сейчас таким сюжетом никого не удивишь, тогда же... Может, и писали, но читать еще не приходилось. В наши дни и фабула, и некоторые идеи выглядят, конечно, несколько устарелыми, несовременными... А может, и нет, дело ведь не в личности Иосифа Виссарионовича. «Сталин умер вчера» – написал в тот далекий год Гефтер. Если бы вчера, если бы и вправду умер! Наденем очки-велосипед, оглядимся повнимательнее...

Вскоре после того, как бы завершён «Латунин», довелось мне посмотреть фильм – почти о том же самом, даже сюжет близок. «И черт с нами!» – может, помните? Хороший фильм, между прочим. Только вот развязка слишком про-

ста: набежали популярные киноактеры, прокричали лозунги, спели народу куплеты – и нет Сталина, спасено Отечество. Эх, перестройка!..

Отечества, нашей Далекой Галактики, уже нет. Не спасли! А Сталин? Повторюсь: не в биологии дело, не в имени, и даже не в том, как называется этот Самый Справедливый Строй. Потому и достал я с полки старый томик с зеленым корешком.

Любители же литературного фрейдизма имеют полную возможность понаблюдать, как в этой давней повести уже проступают смутные контуры будущего «Ока Силы». Дом на Набережной, тени и тайны недавнего прошлого, наивные молодые люди, столкнувшиеся с этими самими тенями и тайнами...

Не убедил Вас, дорогой Читатель? Тогда можете смело считать, что повесть помещена в книге исключительно ради объема. Плохо разве? Ведь за те же деньги, бонус, так сказать.

...Кто такой граф Виктор Кочубей, который в эпиграфе? Друг императора Александра I, перестраивал нашу Далекую Галактику аккуратно два века тому. Его тоже эксгумировали – во времена товарища Сталина. Золотишко искали – на построение очередного Самого Справедливого.

Андрей Валентинов
Июль 2004 г.

*Твои клешни сегодня безопасны.
Опасен силуэт твой с низким лбом...*
Булат Окуджава

Глава I

Однажды вечером в Столице одной Великой Державы состоялось чрезвычайное заседание Главного Совета Правящей партии. Чрезвычайные заседания этого весьма авторитетного органа собирались достаточно редко, тем более, члены Главного Совета часто находились в разъездах, и созвать их было нелегко. На этот раз вопрос, предложенный вниманию этого ареопага, касался одного весьма щекотливого аспекта внутренней политики Великой Державы, переживавшей в описываемую эпоху, признаться, не лучшие времена.

Вот уже несколько лет общественность страны с рвением, порой достойным лучшего применения, подвергала беспощадной критике ошибки, совершенные предыдущими правительствами. Почин этой разрушительной кампании дал сам Главный Совет, исходя из понятного желания – несколько отвлечь население от нынешних, весьма не блестящих, дел. В государственных интересах предоставлялось возложить хотя бы часть ответственности за беды сегодняшние на покойных вождей Великой Державы, благо, ответить они уже были не в состоянии. Главным объектом критики стал бывший руководитель партии и страны Никодим Кесарионович Латунин, некогда превозносимый до небес, а ныне низвергнутый в прах. Уже журналисты, а вслед за ними и историки неопровержимо доказали, что вся деятельность покой-

ного состояла из сплошных ошибок, уже были переименованы многочисленные Латунинграды и Латунинобады, уничтожены монументы, изъяты из публичных библиотек книги свергнутого кумира. Энтузиазм общественности, однако, начал выходить из-под контроля. Наиболее горячие головы постепенно стали переносить критику на день сегодняшний, делая самые неутешительные выводы. Пора было вводить общественную жизнь в нормальное русло.

На заседании докладывал Михаил Иванович Коломенцев, старейший член Главного Совета, возглавлявший комиссию по расследованию латунинских безобразий, которые покойный диктатор успел учинить за долгие годы своего правления. Следует заметить, что сам Михаил Иванович, начинавший карьеру при Латунине, сохранил о нем самые лучшие воспоминания. Но, подчиняясь партийной дисциплине, товарищ Коломенцев многие месяцы терпеливо раскапывал залежи архивных дел, громоздя одно за другим доказательства злодеяний, творимых в свое время Латуниным и его подручными.

– Товарищи! – вещал Михаил Иванович, – к сожалению, кампания в прессе не утихает. Мы, как вам известно, надеялись, что сооружение Мемориала жертвам латунинского произвола несколько утихомирит общественность. Но, увы – расчет оправдался лишь частично. Ко мне приходят тысячи писем еженедельно. Все бурлит...

– Каждый день до двадцати митингов, – буркнул обычно

немногословный товарищ Возгривин, отвечавший за порядок в стране. – Вчера в Столице опять собирались. Пришлось вмешаться, имеются жертвы.

При этих словах председательствующий, Сергей Михайлович Мишутин, занимавший наивысший партийный пост Председателя Главного Совета, поморщился. Сергей Михайлович уже долгое время стремился закрепить за Великой Державой репутацию либерального государства, и любые эксцессы его крайне огорчали.

– Все это перекинулось к нашим соседям, – добавил товарищ Згуриди, министр иностранных дел. – Нас спрашивают, и весьма настойчиво спрашивают, когда мы собираемся успокоиться. А то ведь и за них может общественность приняться!

Глава Государства – Андрей Гаврилович Антипов, – согласно закивал. Он вообще выступал против всей этой волны обличений, поскольку много лет работал под руководством товарища Латунина и весьма чтит его память. К тому же, имея очень почтенный возраст, Андрей Гаврилович был весьма консервативен и слабо понимал суть процесса демократизации.

– Так что, товарищи, – закончил Коломенцев, – пора принимать какое-то принципиальное решение.

После этих слов воцарилось молчание. Все ждали, что скажет товарищ Мишутин, поскольку «принципиальные решения» принимал обычно он. Но Сергей Михайлович без-

молвствовал. Ему было трудно что-либо решить: с одной стороны свертывать процесс демократизации, ставший его политическим кредо, казалось невозможным, с другой – потакать крикунам также не следовало. Поэтому Председатель Главного Совета вопросительно посмотрел на соседа – Николая Ивановича Ермолаева, Премьера правительства.

Николай Иванович тоже молчал. Премьер был прагматиком, и в настоящий момент его более заботили проблемы капитального строительства в восточных районах страны и нехватка нефтепродуктов. Ему было не до идеологических споров по поводу печального наследия, оставленного Латуниным.

– Николай Иванович! – обратился к нему Председатель Совета.

– А? – встрепенулся Премьер, с трудом отвлекаясь от мыслей о нефтепродуктах. – Да, конечно. Надо бы перенести.

– Что? – не понял товарищ Мишутин. – Заседание перенести?

– Ах, нет, нет. Прах перенести. Ну, в журнале было в этом, в «Уголке». Требуют перенести. Перенесем – и все успокоятся. Чего еще больше?

И вновь воцарилось молчание. Премьер недаром слыл умным человеком. Он предложил выполнить наиболее радикальное требование возбужденной общественности – перенести прах товарища Латунина с почетного места у стены Акрополя куда-нибудь подальше.

– Это успокоит, – согласился товарищ Возгривин. – Дельная мысль.

Но так думали далеко не все. Члены Совета, имевшие преклонный возраст, справедливо опасались прецедента. Кроме того, обаяние покойного Латунина не давало возможности согласиться со столь радикальным предложением.

– Вы его не знали! – воскликнул товарищ Антипов. – Это же был человек! Вождь! Ну, ошибки, да, конечно... Но мы ведь осудили! Давно уже осудили! А прах переносить...

– Нехорошо, нехорошо! – согласно закивали старики.

– Ну, я не настаиваю, – пожал плечами Премьер. – Но раз общественность требует... А то ведь сколько времени на все это уходит! А ведь скоро начнется уборка. Да и с нефтепродуктами...

– Да, – кивнул министр иностранных дел Згуриди. – Еще визиты... Вопросы пойдут.

– Ну что ж, – нарушил молчание товарищ Мишутин. – Будем голосовать, товарищи?

Сергей Михайлович был доволен. Он и сам подумывал о каком-нибудь эффектном жесте со стороны руководства, дабы успокоить, наконец, народ. Инициативу в таком деле, однако, брать на себя не хотелось. А поскольку скользкое предложение внес Николай Иванович, можно было остаться в стороне. В конце концов, при голосовании можно и воздержаться, хотя подобное и не очень желательно.

– Итак, кто «за»? – спросил Председатель Совета.

Таким образом, этим вечером судьба могилы у стены Акрополя была решена. Большинством в два голоса – Сергей Михайлович все же решился и проголосовал «за» – было принято четкое и конкретное решение: Прах товарища Латунина Никодима Кесарионовича, совершившего многочисленные ошибки и преступления, в ближайшее же время перенести из могилы возле стены Акрополя на Новостроевское кладбище. Исполнение возлагалось на товарища Возгривина, ему же поручалось проконтролировать реакцию прессы и общественности. Товарищу Коломенцеву надлежало выступить в Центральном Органе со статьей по поводу данного решения. И быть по сему.

– Зря это вы, Николай Иванович, – обратился к Премьеру Глава Государства после заседания. – Грех такое было предлагать!

– Почему? – удивился тот, – народ это успокоит, а у меня, между прочим, уборка на носу. Что нам, в конце концов, Латунин? Бог с ним!

– Эх, Николай Иванович! – вздохнул товарищ Антипов, – если б вы знали его, то не были бы столь легкомысленны. Ох, не вышло бы чего!

Премьер подивился стариковской мнительности и вновь предался размышлениям.

Глава 2

Решения Главного Совета выполнялись, как правило, незамедлительно и точно. В ближайшую же ночь, без всякого уведомления в прессе, подразделение солдат из роты особого назначения, получив на складе лопаты и прочий шанцевый инструмент, было направлено на Площадь перед Акрополем. Никто из числа офицеров и солдат не имел понятия о готовящейся акции, и все могли только теряться в догадках.

Подразделение собралось у самой стены, подальше от света прожекторов, освещавших Площадь. Где-то в час ночи к солдатам присоединилась небольшая группа штатских. В одном из них все узнали самого товарища Возгривина. С ним было двое крепких ребят из личной охраны и какой-то старикашка, стремившийся все время спрятаться за широкие плечи телохранителей. Член Главного Совета о чем-то вполголоса переговорил с офицером, командовавшим подразделением, после чего была дана команда пятерым солдатам взять лопаты и ломы и направляться вслед за товарищем Возгривиним. Остальным велено было ждать и быть наготове.

В этой первой пятерке волею случая оказался сержант Коля Рипкин. Поначалу его мало интересовала ночная прогулка, но вскоре сержант понял, что дело предстоит необычное. Колю поразило не товарищ Возгривин, которого солдатам по

долгу службы уже приходилось неоднократно лицезреть, а его престарелый спутник.

– Знаешь, кто этот старикашка? – шепнул сержант своему соседу Васе. – Сам Зундулович, ей богу!

– Какой Зундулович? – не понял Вася, – родственник, что ли?

– Да нет же! Он сам!

– Неужели жив?!

– Жив, паскуда! Девяносто три, а еще, как видишь, бегает!

Лазарь Моисеевич Зундулович был последним из оставшихся в живых соратников Латунина. Вместе с другими, ныне покойными подручными диктатора, он натворил немало безобразий, впоследствии был разоблачен, но поскольку судить его было как-то неудобно, оказался всего лишь на заслуженном отдыхе. Память покойного Латунина пенсионер чтит свято, и теперь, узнав бог весть откуда о решении Главного Совета, приковылял лично к товарищу Мишутину и добился-таки разрешения на участие в церемонии перенесения праха. Надо сказать, что о готовившемся событии известили трех внуков покойного, но все они, не питая ни малейших добрых чувств к деду, не щадившему собственную семью, присутствовать не пожелали.

Солдаты вместе с упомянутыми уже штатскими последовали к небольшой аллее, где покоились наиболее выдающиеся деятели Великой Державы.

– Неужели новую яму рыть будем? – высказал шепотом

предположение сосед Рипкина. – Но ведь, вроде, никто не помирал...

– Нет! – прошептал в ответ Коля. – Тут что-то другое, недаром этот сыч Зундулович здесь...

Между тем они подошли к могиле самого Великого Вождя и Учителя товарища Латунина, покоившегося под мраморной плитой и бюстом из серого камня.

– Внимание! – тихо, но отчетливо произнес товарищ Возгривин. – Товарищи! Я ознакомлю вас с решением Главного Совета...

После чего он, при свете карманного фонарика, прочитал принятый накануне документ. Теперь все стало ясно.

– Снять плиту! – распорядился офицер.

Работа пошла споро. Ребята, время от времени поглядывая с некоторой робостью на серый бюст покойного вождя, стали углубляться в утрамбованную землю.

– Поосторожнее! – то и дело поскрипывал товарищ Зундулович. – Ведь это же Никодим Кесарионович!

Вскоре первую пятерку сменила вторая, и Рипкин получил возможность перекурить.

– Здорово! – заявил он сослуживцам. – Так и надо этому кровососу! Нечего ему тут лежать!

Все с ним согласилось – покойного Латунина молодежь не любила. Тем временем откуда-то из темноты вынырнул небольшой военный грузовик с крытым верхом, присланный для транспортировки бранных останков вождя.

Пятерка Рипкина вновь принялась за работу. Вскоре малоприятная и печальная процедура была завершена – полу-сгнивший гроб диктатора извлекли из могилы и под искренний плач товарища Зундуловича вложили в новый, привезенный грузовиком. Затем Рипкин, вкупе с десятком его сослуживцев, возглавляемых одним из офицеров, вместе с рыдающим товарищем Зундуловичем поехали на Новостроевское кладбище, где кости диктатора должны были, наконец, обрести покой. Остальные солдаты принялись заравнивать яму и выкладывать ее заранее припасенными плитами.

На кладбище провозились до утра. Вначале пришлось доводить до ума недоотрытую в спешке могильную яму, а затем всех задержал товарищ Зундулович, пожелавший облобызать мощи покойного вождя. Исполняя это желание, Лазарь Моисеевич не замедлил грохнуться в обморок аккуратно на бранные останки своего грозного шефа. Пришлось бежать за аптечкой. Только приведя старого маразматика в чувство, участники мрачной акции смогли поспешно предать прах земле. Затем они установили захваченную с площади могильную плиту, вкопали с помощью прибывшего на помощь подъемного крана каменный бюст, после чего можно было возложить на плиту заранее взятый товарищем Зундуловичем венок и отправиться в казарму отсыпаться.

Итак, решение Совета было выполнено. Правда, у всех участников этого дела, не говоря уже о безутешном товарище Зундуловиче, проплакавшем почти всю ночь подряд, на

душе остались самые неприятные воспоминания. Мрачный гений товарища Латунина вызывал подсознательный страх. Каменный диктатор, воплощенный в сером мраморе, казалось, прищурился в предрассветной мгле, стремясь запомнить в лицо всех нарушителей его покоя. Поэтому солдаты предпочли помалкивать о своем участии в этом событии и на следующий день, отоспавшись, вместе с остальными сослуживцами, прослушали правительственное сообщение о перенесении праха Латунина, как нечто, им совершенно доселе неизвестное.

Молчал и Коля Рипкин. Но через несколько дней он отозвал в укромный угол своего приятеля Васю и, убедившись в том, что вокруг никого нет, достал из свертка нечто желтое и страшноватое.

– Чего это? – ахнул Вася. – Челюсть? Откуда?

– Его это челюсть, – кривовато усмехнувшись, сообщил Рипкин, – Латунина!

– Брось! – Вася побледнел.

– Ты чего это? – удивился Рипкин. – Вот еще, челюсти испугался! Помнишь, пока вы этого падлюку Зундуловича откачивали, у гроба никого не оставалось. Ну, я и позаимствовал. Ему-то она уже ни к чему. Как говорится, мертвые не кусаются!

– А з-зачем? – дрожа, спросил приятель, не отрывая глаз от зловещей кости.

– А так. Чтоб знал, отец всех народов! Сувенир на память

о знакомстве. Пепельницу из него сделаю, а надоест – загоню антикварам. Как думаешь, сотен пять за нее отвалят?

– От-т-твалят, – согласился Вася и тут же потребовал: – Уб-бери, б-бога ради, убери ее!

– Чудак! – пожал плечами Коля и спрятал челюсть великого вождя.

Нечего и говорить о том, что перепуганный Вася молчал как рыба. Больше никому Рипкин своего трофея не показывал, и о его, прямо скажем, нехорошем поступке, так никто в роте и не узнал. А вскоре Коля отбыл домой в десятидневный отпуск, взяв добычу с собой. Ни он, ни Вася, ни кто-либо другой, и знать не могли о тех непредсказуемых последствиях, которые вызовет этот проступок.

Глава 3

Рипкину не пришлось долго добираться домой. Он жил в Столице, в самом центре, в знаменитом Доме на Набережной, где много лет подряд селились сильные мира сего. Теперь времена переменились, нынешнее начальство избрало другие места обитания, а в огромном здании поселились большей частью новые люди. Только несколько уцелевших монстров еще доживали свой век в этих величественных стенах. К их числу принадлежал и престарелый товарищ Зундулович, которого Коля, естественно, не мог не знать, что и позволило сержанту опознать старого латуинца в ночной тьме на Площади.

Семья Рипкиных оказалась в этом доме тоже не случайно. Лет за сорок до нынешних событий дед Коли Илларион Рипкин, тогда еще сравнительно молодой доктор биологических наук и автор всемирно известного сорта пшеницы «Латунинская ветвистая», отличился вместе с всенародно знаменитым академиком Косенко в период травли смертных врагов материалистической биологии – проклятых вейсманистов-морганистов. Илларион Рипкин, разоблачив дюжину злокозненных генетиков в институте, где сам работал, быстро стал его директором, а через пару лет выбился в академики, благо вакансий в Академии после благотворной деятельности Косенко и его подручных оказалось предостаточно.

но. Среди прочего, Илларион Рипкин сумел переехать в Дом на Набережной, что неизбежно приобщило его к элите общества. Правда, вскоре для косенковцев настали крутые времена. Рипкину-деду пришлось покаяться, оставить директорский пост и уйти в глухую оборону. Кое-что удалось все же сохранить. Рипкин остался академиком, удержал руководство над крупной лабораторией – и сохранил квартиру в престижном доме. Остались и кое-какие связи, позволившие направить Рипкина-внука служить в роту особого назначения в самой Столице, а не куда-нибудь на стреляющий юг или безжизненный север. Впрочем, жилось Иллариону Рипкину невесело, из его лаборатории косяками уходили молодые сотрудники, не желавшие иметь дело с матерым косенковцем, коллеги же относились к нему подозрительно, а некоторые даже считали его шарлатаном. Нечего и говорить о том, что старый академик сохранил самую теплую любовь к товарищу Латунину, с которым ему несколько раз приходилось пить чаек в компании с незабвенным академиком Косенко.

Коля Рипкин, вернувшись домой и надев штатское, загулял. В угаре он начисто забыл о своем трофее, который в первый же день сунул в ящик стола. Отпуск прошел быстро. Только в последний вечер Коля, немного очухавшись, вспомнил о челюсти великого вождя. Ругнув себя за то, что лишил себя удовольствия похвастать приобретением перед приятелями и подругами, он решил, что это даже к лучшему. Его знакомые не отличались умением молчать, дойди же

новость такого рода до власть предержащих, то Коле, без сомнения, не избежать неприятностей. Рассудив здраво, Рипкин решил оставить добычу у себя, украсив ею бар, но для этого челюсть следовало как следует обработать. Вспомнив, что его дед какой ни есть, а все-таки биолог, Коля вытащил желтую кость из ящика и направился в комнату академика.

Рипкин-старший сидел за столом и штудировал толстый том сочинений своего учителя Косенко. В последнее время он часто занимался этим, черпая в глубинах мудрости народного академика уверенность, столь необходимую старику в такое смутное время.

– Привет! – обратился к академику внук. – Все морганистов крушишь?

– Привет, Коленька, хе-хе, привет, внучек! – ответил Илларион Рипкин, имевший несколько странную манеру разговора. – Чего их, хе-хе, крушить, когда жизнь сама, хе-хе, со своей, так сказать, наглядностью, доказала. Много эти мушки, хе-хе, дрозофильские урожая нам прибавили? Все, хе-хе, пшеничку за морями закупаем, вавиловцы!

– Дед, – перебил Коля, опасаясь, что старик опять нырнет в омут давних дискуссий. – Обработай мне эту штуку. В кислоте провари или еще как. Хочу ее лаком вскрыть.

Академик взял в руки челюсть и углубился в осмотр.

– Мужская, хе-хе, – молвил он, наконец. – Пожилой был, покойничек, все зубами маялся, хе-хе. Где взял останки эти, Коленька?

Коля вначале хотел скрыть от деда мрачную историю с перенесением праха, опасаясь, что академик, болевший душой за память товарища Латунина, озлится, откажется помочь, а то и поднимет скандал. Но соблазн был слишком велик, и сержант подробно, в самых сочных красках, изложил события той жутковатой ночи.

Академик слушал молча, только его маленькие глаза чем дальше, тем больше начинали светиться мрачноватым огоньком. Затем, не говоря ни слова, достал какую-то старую книгу и принялся ее листать. Коля отметил, что в книге было полно фотографий товарища Латунина – во френче и фельдмаршальском мундире, одного и в компании, веселого и строгого. Найдя снимок, где Латунин улыбался, демонстрируя придворному фотографу набор своих резцов, академик взял челюсть и стал внимательно сравнивать.

– Хе-хе, – молвил он. – Конечно, сразу не скажешь, но похоже, хе-хе, очень похоже. Так что, внучек, потрошим, стало быть, мощи отца народов? На сувенирчики разбираем? Вот она, молодежь-то, рокеры, хе-хе, металлисты! Скоро нас, стариков, на живодерню, хе-хе, свезете, а из шкур, хе-хе, чучела делать станете, комсомольцы-добровольцы!

Внук молчал – старый косенковец был в чем-то прав, и Коля начал раскаиваться, что пришел сюда со своей просьбой.

– Ладно, – внезапно заявил дед, – обработаю реликвию, хе-хе, чего уж делать! Нам время, хе-хе, тлеть, а вам, стри-

кулистам, цвести! Сделаю в лучшем виде, хе-хе. Только чур, хе-хе, на базар не нести, пусть дома остается, хе-хе, на память.

Коля поспешил согласиться. Академик осторожно положил челюсть на стол, а сержанту настала пора отбывать в часть.

Поздно вечером, когда дома все заснули, Илларион Рипкин запер дверь своей комнаты, водрузил на стол мощный микроскоп, вооружился скальпелем, пинцетом, еще какими-то научными инструментами, и занялся челюстью. Но он и не собирался, как обещал внуку, вываривать ее. Вместо этого академик стал самым тщательным образом соскабливать засохшие остатки кожи и клетчатки и внимательно разглядывать их в микроскоп. Осмотр долго не давал видимого результата. Академик кряхтел, кашлял, но продолжал работу. Наконец он радостно хихикнул, несколько раз взглянул в окуляр и пробормотал:

– Она, хе-хе, она! Целенькая клеточка, хе-хе, как есть целенькая! Неужели удастся? Вот уж тогда, хе-хе, посмотрим, как вы запоете, морганисты-вейсманисты! Устроим вам, хе-хе, перестроечку! Ну, а если нет... Ради великой идеи... Хе-хе, не впервой!

Старый косенковец долго работал с челюстью вождя. Ему удалось найти еще две, как он выражался, «целенькие». Обрадованный удачей, старик поместил находку в пробирку, заполнил ее одному ему известным раствором и запер все

это в сейф.

– Завтра же, хе-хе, в лабораторию, – бормотал он. – Пусть хоть один процент из ста, но ежели, хе-хе, повезет... Ежели повезет, то это вам не собачки павловские и не мушки, хе-хе, менделистские! Забегаете, хе-хе, вавиловцы!

После этих, весьма мало понятных размышлений, старик спрятал челюсть, вымыл руки и достал из тайничка за книгами заветную бутылку коньяка. Налив рюмашку, академик поднял ее повыше и торжественно произнес:

– За упокой, хе-хе, за упокой души вашей, товарищ Латунин! За упокой, а если повезет, то и, хе-хе, за здравие!

После этого уже совершенно непонятного тоста академик осушил рюмку и еще долго сидел за столом, мечтательно глядя в темное окно.

На следующий день академик Рипкин направился в лабораторию, выгнал оттуда всех молодых сотрудников и, оставшись с двумя старыми соратниками еще косенковских времен, занялся совершенно непонятной для окружающих работой. Впрочем, в институте все привыкли к чудачествам старика и решили, что Рипкин увлекся очередной бредовой идеей в духе косенковской биологии. Академик не пытался опровергнуть это мнение, только с каждым днем становился все веселее и хихикал уже совершенно злорадным тоном.

Глава 4

Прошло несколько недель. Шум, вызванный столь бесцеремонным обращением с прахом великого Латунина, потихоньку стих. Противники покойного руководителя провели должное число демонстраций и напечатали соответствующие заметки в прессе, приветствуя мудрое решение руководства. Сторонники Латунина ограничились глухим ворчанием и посылкой в органы прессы писем противоположного содержания, некоторые из которых газеты, демонстрируя плюрализм мнений, также напечатали. В целом, расчет товарища Ермолаева оправдался – массы, восприняв сей акт как завершающую точку в деле развенчания культа личности Латунина, стали понемногу успокаиваться. Главный Совет на своем, на этот раз очередном, заседании констатировал положительные результаты принятого ранее решения. При этом более молодые члены Совета не преминули слегка поиронизировать над мнительностью товарища Антипова, на что тот ограничился ставшей уже знаменитой фразой: «Ох, не знали вы его!» Словом, все входило в нормальную колею, и власти даже разрешили свободный доступ на Новостроевское кладбище, которое все это время было предусмотрительно закрыто на ремонт.

Тем более неожиданным для товарища Возгивина, который, напомним, отвечал за порядок в стране, оказалось по-

явление странного анонимного письма, пришедшего на адрес его учреждения. В связи с процессом демократизации анонимки было решено не рассматривать, но на этот раз содержание письма выглядело столь удивительно, что референты не преминули положить его прямо на стол товарища Возгивина. Послание, подписанное «Борцы за Перестройку», оказалось целиком посвящено деятельности академика Рипкина. Вначале авторы подробно перечисляли все деяния и злодеяния академика на фронте борьбы с вейсманизмом, упоминая в том числе о его дружбе с Косенко и о факте питья чая с самим Латуниным. Затем обильно цитировались неодобрительные высказывания Рипкина по адресу нынешних руководителей, а также по поводу кампании критики Латунина. А далее следовало самое любопытное, что и заставило референтов доложить о письме самому товарищу Возгивину.

Абзац гласил:

«В настоящее время, пользуясь либерализмом руководства института, академик Рипкин проводит опыты по физическому воскрешению Латунина Н.К., что в случае положительного результата может иметь неисчислимые последствия для нашей Великой Державы и всего мира».

Слова «физическому воскрешению» были дважды подчеркнуты. В заключение следовал призыв к товарищу Возгивину и его ведомству незамедлительно разобраться в происходящем и принять надлежащие меры.

Товарищ Возгривин всегда отличался реализмом, столь необходимым в его многотрудной профессии. Поэтому первой его реакцией было дать хороший нагоняй референтам, знакомящим Ответственного за порядок с творчеством душевнобольных. Но затем, вспомнив о многочисленных сюрпризах, преподносимых то и дело наукой, Возгривин решил все-таки навести справки об академике. Вскоре он убедился, что по крайней мере первая часть послания, посвященная как прошлому Рипкина, так и его нынешним взглядам, верна. Решив довести дело до конца, Возгривин вызвал одного из самых способных работников – майора Гребнева и показал ему письмо. Майор также был убежденным материалистом, поэтому в душе весьма удивился, если не сказать более, но дисциплинированно смолчал, ожидая указаний. Получив приказ лично направиться в институт и проверить факт попытки физического воскрешения бывшего великого вождя, он ответил «есть» и отбыл в контору, где работал Рипкин.

Часа через полтора секретарша соединила товарища Возгривина с его сотрудником.

– Здесь Гребнев, – сообщил майор. – Факт проверен на месте. Действительно воскрешает. Сам видел.

Первым делом товарищ Возгривин решил, что Гребнев позволяет себе шутить. Сообразив, что этого не может быть, он пожалел о том, что перегружал майора в последние недели работой, и вот – бедняге пора в спецсанаторий. Не выдавая пока этих рассуждений вслух, Возгривин ограничил-

ся тем, что переспросил Гребнева, лично ли тот убедился в факте воскрешения.

– Лично, товарищ Возгривин! – отрапортовал майор. – Видел его. Как живой. Уже дышит.

Тут Возгривин не выдержал и, распорядившись ждать его на месте, немедленно вызвал служебную машину.

В тот же день, ближе к вечеру, товарищ Возгривин вместе с майором Гребневым пришли на прием к самому Сергею Михайловичу Мишутину. Тот был весьма встревожен неожиданным появлением коллеги по Главному Совету, поскольку визит Ответственного за порядок не обещал ничего доброго. Возгривин, получив приглашение говорить, дал знак Гребневу. Майор, первый раз оказавшись в кабинете самого Председателя Главного Совета, заметно волновался, но докладывал четко.

– Товарищ Мишутин! – начал он. – Я был послан для проверки факта попытки воскресить бывшего руководителя страны Латунина Никодима Кесарионовича...

– В каком смысле «воскресить»? – не понял Сергей Михайлович. – В фигуральном? Идеи воскресить?

– Никак нет! – отчеканил Гребнев. – В физическом. Прибыв в институт, установил следующее. Первое – академик Рипкин уже много лет работал над выращиванием из клеток белка целых организмов, причем опыты над простейшими и грибами были удачны. Второе – некоторое время назад в руки академика неизвестным пока путем попала часть остан-

ков Латунина, конкретно, его челюсть. Третье – академик, якобы, сумел обнаружить несколько клеток с уцелевшей белковой структурой, из которой смог выделить жизнеспособные молекулы белка. Четвертое – академик Рипкин сумел добиться усиленного деления одной из клеток, погруженной в специальный раствор, в результате чего образовался организм, внешне напоминающий покойного Латунина. И пятое – данный организм уже самостоятельно дышит, хотя еще и не приходит в сознание. Все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.